

В тот миг все тревоги и беспокойства улетучились, как дым на ветру, уступив место благоговейному трепету. Эддарт Старк шагнул вперед, к сыну Брану, взгляд его был прикован к древнему Чардреву, возвышавшемуся в их замке. Дерево, казалось, преобразилось: листья его засияли золотом, излучая нежное сияние, а резное лицо, словно ожившее, улыбалось. Таинственные события повергли всех в недоумение, никому не давая ответа на вопрос: "Почему?" Внезапно, словно по мановению волшебной палочки, многие мужчины и женщины не смогли сдержать нахлынувших эмоций. Опустившись на колени, со слезами на лицах, они начали аплодировать, взволнованно восклицая: "Мой Бог ответил на мою молитву!" Коллективное осознание охватило собравшихся, они не только любовались чарующим зрелищем, но и ощущали преобразующий эффект на себе. Старики чувствовали себя моложе, недуги, терзавшие их тела, чудесным образом отступали. Впечатляющая атмосфера побудила всех преклонить колени, словно признавая божественную силу, ответившую на их молитвы. Даже те, кто сомневался или отвернулся от своей веры, опустили на колени, охваченные раскаянием за свое неверие. Они горячо молили о прощении, признавая свое невежество и ища искупления. Те же чувства, но с оттенком стыда, давили на тех, кто обратился в веру Семи: им было стыдно за предательство своих первоначальных убеждений, и они надеялись на прощение, преклоняясь в молитве. Внезапно небо взорвалось завораживающим зрелищем красочных аур, вызвав восторженные аплодисменты собравшейся толпы. Праздновали не только люди: птицы и животные присоединились к ним, распевая свои собственные песни, выражающие почтение божественному присутствию, ощущаемому вокруг них. Среди тех, кто прибыл с Юга, последовав за своей госпожой на Север, включая сентябрьских священников и последователей Веры Семи, возникла глубокая тоска. Они страстно желали проявления своего собственного бога, чтобы стереть любые сомнения в своей вере. Из всех сил пытаясь сохранить свою решимость, они цеплялись за свои коленопреклоненные позиции, но при каждом чудесном зрелище перед ними их сердца дрогнули. Для некоторых ошеломляющее проявление чудес разрушило их веру в Семерых, поскольку они почувствовали присутствие настоящего божества, отвечающего на молитвы истинно верующих. Охваченные эмоциями и растерянностью, они взывали о прощении, не подозревая об истине необъяснимых событий, разворачивающихся в Богороще. Кейтилин, всегда считавшая культуру северян странной, уже привыкла к их обычаям. Несмотря на свой внутренний дискомфорт, она выдержала тревожный Годсвуд и присоединилась к мужу. Она всегда мечтала, чтобы Эддарт, человек глубоко духовный, последовал ее вере. Она воспринимала религию Севера как менее организованную и довольно упрощенную по сравнению с ее собственной. Однако посреди оживленного Годсвуда, наполненного молитвами, аплодисментами и пышной растительностью, точка зрения Кейтилин изменилась. Когда-то тревожный Богороск теперь излучал священную атмосферу, а Чардрев сияло нежным золотым светом. Почувствовав благословение в воздухе, сомнения Кейтилин растаяли. Устремив взгляд на Чардреву, она опустилась на колени, понимая, что ее вера должна быть не преградой, а проводником благословений для ее семьи, ее мужа и ее народа. То же самое было и с ее детьми. Санса, которая когда-то предпочитала богов своей матери богам отца, глубоко ценила сложную красоту Веры Семи. Она любила статуи, картины из свинцового стекла, аромат горящих благовоний и волшебную игру радуги над алтарями, украшенными драгоценными камнями. Ее любовь к деталям привела ее к южной вере. Однако в настоящий момент Санса обнаружила вновь обретенную красоту и реальность веры Древних Богов. Годсвуд, когда-то менее привлекавший ее, теперь обладал определенной силой и очарованием. Она была первой среди детей Старков, преклонивших колени рядом со своей матерью, и остальные последовали ее примеру. Робб, который, как и его отец, всегда предпочитал путь Севера, признавал веру своей матери, но больше склонялся к традициям Севера. До сих пор он никогда не считал существование богов чем-то реальным, а не традицией, но события, развернувшиеся в Богороще, заставили его пересмотреть свое мнение. Он был рад оставаться верным своему наследию и традициям. В то время как Арья, всегда свободолюбивая и не поддерживающая какие-либо определенные убеждения, обнаружила, что

ее тянет к окружающему ее божественному присутствию. Она почувствовала, как внутри нее пробуждается что-то глубокое, хотя и не могла точно определить, что именно. Несмотря на свою неуверенность, она обнаружила, что наслаждается этим опытом. Бран и Рикон, которые когда-то боялись приближаться к Богорощу, теперь были полностью очарованы его красотой и подавляющим присутствием, которое они ощущали. Это явление не ограничивалось Винтерфеллом; оно распространялось на каждый крупный и второстепенный дом, в замках которого был богорош. Традиционно эти места рассматривались скорее как сады или места для уединения, а не как места для общения со Древними Богами. Однако все изменилось. Лорды, знать, простолюдины и даже иностранцы собрались вокруг деревьев Чардрева, переживая глубокое участие Ксернеаса в вечной жизни. В тот день многие последователи других вероисповеданий начали верить в Древних Богов, их сердца тронула преобразующая сила божественного присутствия. Находясь недалеко от Дредфорта, люди начали собираться вокруг Чардрева, украшенного золотыми листьями, переживая участие в вечной жизни. Среди них был Рамзи, чьи глаза блестели от интереса. "Наш путь — это Старый путь, а Наш Бог — это Древние Боги", — провозгласил он. Подойдя к Чардреву, Рамзи почувствовал прилив сил, пробежавший по его телу, заставивший его улыбнуться еще больше. В Риче, в Хайгардене, Маргери и ее бабушка Оленна с пристальным интересом наблюдали за Чардревом. Маргери не могла до конца понять, почему происходит это явление, но она была очарована красотой неба, украшенного полярными сияниями и золотым Чардревом. Однако Оленна, наблюдая за увлечением Маргери, придерживалась иной точки зрения. Она медленно прошептала: "Боги возвращаются". Тем временем Мейс Тирелл и его сын оставались ошеломленными, их взгляды были устремлены в небо. Они боялись отвести взгляд, опасаясь пропустить что-то важное, происходящее в небесном зрелище. В Западных землях, у Утеса Кастерли, Тайвин и его люди стояли и смотрели на Чардрев — зрелище, которое, казалось, бросало вызов обыденному. Тайвин, обычно стоический и сдержанный, почувствовал, как его охватило необычное ощущение молодости. Тирион ощущал незримую связь с древом-чародеем, но хранил это чувство в себе, словно драгоценную тайну. Не в силах сопротивляться зову, он приблизился к светящемуся стволу. Рука коснулась коры, и его разум затопило видение. Вспышки бурного прошлого, словно молнии, осветили его память, а сквозь них пробивались проблески будущего, пугающего и неумолимого. Глубокий, как сама древность, голос прошептал: — Мой чемпион, приди на Север и храни молчание. — Прежде чем Тирион успел осмыслить слова, его грубо оттащили от дерева. Сильные руки людей Тайвина исполняли его приказ, не обращая внимания на протесты Тириона. Взволнованный, покрытый холодным потом, Тирион бросил на Тайвина взгляд, полный страха и гнева. Но сдержался, понимая, что между ними ничего не произошло. Тайвин, словно не замечая тревогу племянника, продолжал смотреть на древо-чародея, погруженный в собственное созерцание. В Дорне, в Замке Солнечного Копья, Доран с семьей стоял, замороженный, глядя на небо. Необычайное явление, развернувшееся над ними, вызывало недоумение и трепет. Оберин, обнимая свою любимую, не сводил глаз с небесного чуда. Доран и его бастарды разделяли его изумление. Арианна, дочь Дорана, не могла не улыбнуться красоте неба. Она поймала себя на мысли, что хотела бы, чтобы ее будущий муж, последний из Таргариенов, был столь же прекрасен, как это завораживающее зрелище.